

Формирование субъектности молодого интеллектуала: деструктивные защитные стратегии в эпоху цифровизации

Буйлова Н.Н.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0604-6603>, e-mail: byjlovs@yandex.ru

Литинская Д.Г.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8850-1728>, e-mail: litinskaya@inbox.ru

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 19-013-00780.

Ключевые слова: формирование субъектности, интернет-общение, академическая преемственность.

В отечественной психологической науке и практике есть два традиционных дискурса рассмотрения становления субъектности интеллектуала. Первый — психология способностей, различные аспекты обучения одаренных детей. Второй — девиантология, т. е. то место, где юный интеллектуал становится неудобным для окружающего его сообщества, а его поведение или действительно принимает девиантные формы, или же выглядит таковым. В результате можно видеть, что рассматривается скорее маргинальность, то, что так или иначе выходит за пределы предполагаемой нормы. То же, что считается нормой — бесппроблемное обучение — изучения не требует.

Мы хотим обратить внимание на проблемы, которые возникают в становлении субъектности юного интеллектуала (старшие классы элитных школ, вузы, иногда аспирантура) в штатной ситуации, внешне кажущейся бесппроблемной.

Необходимо уточнить: «интеллигенция» как понятие и один из маркеров социальной идентичности на сегодняшний день не может быть определена точно: «Так как новые условия зачастую не позволяют интеллигенции оставаться интеллигентной, есть искушение переименовать ее также по западному образцу в интеллектуалов» [1, с. 38]. При

этом все основные работы, посвященные интеллигенции, или говорят об этом классе в XX веке, или же исследуют само понятие. Именно поэтому как центральный концепт мы используем не интеллигенцию/интеллигентность, а интеллектуалов/интеллектуализм, говоря о тех, кому М. Фуко приписывает власть, — об интеллектуалах.

Именно интеллектуалы вводят новые дефиниции в научный анализ, эксплицируют скрытое в культуре, задают вектора многим социокультурным процессам и, что важно, занимаются педагогикой. Таким образом, тезис о том, что именно интеллектуалы во многом формируют ценностное поле, а также изменения культуры в целом, кажется достаточно оправданным.

При этом не стоит недооценивать изменение социума, в котором формируется молодой интеллектуал: принципиально новое пространство интернет-среды порождает новые проблемы и инициирует новые вертикальные (между учениками и учителями) и горизонтальные (между интеллектуалами одного уровня) связи. Интерактивность, скорость коммуникации, доступность информации — неполный список новых проблем и одновременно их решений.

Интеллектуал сегодня все еще в достаточной мере зависит от окружающей его среды. Одним из процессов, формирующих субъектность, следует назвать вступление в небольшие научные или псевдонаучные коллаборации (кафедры, научные направления, группа учеников одного учителя и т. п.), требующее соблюдения определенных правил, во многом сводимых к последовательному воспроизводству работ руководителей. Это порождает противоречия сразу на нескольких уровнях: с одной стороны, академизм сам по себе требует «новизны», свежести и самостоятельности мысли, которая в то же время должна базироваться на работах предыдущих авторов; с другой стороны, интернет-сообщество в большей мере нацелено на создание нового (в любой сфере деятельности — небывалый размах приобрело самовыражение в виде сайтов любительской прозы и поэзии, языковая игра порождает новые подсистемы языка и т. д.) и в то же время новое должно быть узнаваемым (для продвижения в разноразмерной интернет-среде). Молодые интеллектуалы большей частью принадлежат к обоим этим сообществам.

Первая часть проблемы отсылает нас к идее «мертвого знания» — знания, заключенного в бесконечном воспроизводстве без передачи традиции. Подобные проблемы особенно актуальны для гуманитарных областей знаний. Необходимость упоминания определенных работ и определенных авторов создает не только систему перекрестных ссылок, но и затрудняет расчет наукометрических показателей и вызывает у молодого интеллектуала «конфликт интересов».

Эта ситуация порождает два типа психологических защит. Первую мы можем условно назвать компульсивной (невротическое следование порядку), а вторую — анархической (невротический отказ от порядка); вводя эти определения, можно говорить об определенной преемственности с понятиями, введенными Э. Фроммом в «Бегстве от свободы» [2] — конформностью и деструктивностью. В любой из этих позиций можно создать иллюзию самостоятельности: первая стратегия делает молодого человека последователем, защищенным традицией, вторая — превращает его в новатора и революционера. Следует отметить, что и в том и в другом случае юный интеллектуал не покидает «свою» среду — другим интеллектуалам он в любом случае ближе, нежели другим социальным образованиям. Потеря идентичности расценивается как серьезная личностная трагедия, но при этом внутренние конфликты, порожденные невротициским поиском истины, все более эскалируются по мере продвижения человека в сообществе.

В итоге, в одном случае (компульсивном) начинают работать механизмы ксенофобии [2]. При этом, если следовать логике Б. Вальденфельса, приходится несколько сужать саму возможность впускания иного в свой жизненный мир, так как «... жизненный мир является противовесом не только гипостазированию научных конструкций, но и автономизации практических институтов и их предписаний» [3, с. 82]. Это то деление на «мы» и «они», при котором категории «они» приписывается свойство глупости как противоположности интеллектуализма. В этом случае происходит не просто расслоение на своих и чужих, а расслоение на класс интеллектуалов и «всех остальных». Классу интеллектуалов приписывается большая валидность, чем всем остальным, можно сказать, что в этот момент рождается комплекс гандикапа [4, с. 1] — феномен специфической негативной установки по отношению к людям с меньшими возможностями. Ставицкий О.А., который ввел этот не лишенный остроумия и крайне точный термин, проводил свое исследование на группе людей с инвалидностью по здоровью: «О наличии симптомокомплекса гандикапа говорим тогда, когда инвалидизированный воспринимает себя как человека неполноценного, неспособного адаптироваться в социуме, имеет низкую самооценку и склонность к самоизоляции. Гандикап не является обязательной реакцией на инвалидизацию и отражает субъективное восприятие человеком с ограниченными возможностями своих недостатков» [4, с. 2]. Может показаться странным, что мы применяем этот концепт к интеллектуалам, к людям, которые формально в чем-то других превосходят. Тем не менее, позиция гиперкомпенсированных через компульсивные защиты интеллектуалов имеет сходные механизмы построения: когнитивная сфера не страдает, но формируется мнение о

больших возможностях окружающих, поскольку им не пришлось долго учиться, их не пытаются оценивать по неадекватным критериям менее компетентные люди, их работа не требует такой самоотдачи и перманентной занятости за счет чтения многочисленных текстов и постоянной рефлексии, и т. д. Собственно, так же часто для описываемых нами людей характерно стремление к самоизоляции, не физической, а именно интеллектуальной; виртуальная реальность в этом случае может быть как эскапическим пространством, своего рода «guiltypleasure», так и еще одним местом интеллектуальной изоляции, окруженным запретами.

Таким образом, интеллектуал ощущает себя недостаточно принятым в обществе, имеющим меньше, чем другие, власти, но при этом он уверен, что заслуживает большего. Очень часто для таких людей характерны политические взгляды, подразумевающие официальную сегрегацию общества, например, о том, что «простые люди» не знают, что им нужно, и это должны решать интеллектуалы, что предполагает присвоение интеллектуалам больших прав. Можно сказать, что такого рода интеллектуалы присваивают себе право на распоряжение фасциями — эксклюзивное право на власть. Наглядный пример демонстрации интеллектуального превосходства — граммар-наци: «Наиболее радикальные борцы за грамотность — это люди, которые, пренебрегая интересами коммуникации, обсуждают не заявленную тему, а ошибки в письменной речи собеседника. Для них характерно, прежде всего, желание исправлять речь собеседника, а не разговаривать с ним. Именно таких людей и стали называть по-английски *grammarnazi* — «грамматический нацист». Позднее это название было заимствовано русским языком и записывается либо латиницей, либо русскими буквами как граммар-наци» [6, с. 126]. Даже символика граммар-наци воспроизводит во многом символику третьего рейха, но при этом даже либералы часто не брезгают причислить себя к этой группе, характеризующейся доминированием над менее грамотными собеседниками в зависимости от содержания написанного (или высказанного — граммар-нацизм касается и грамотности речи). В научной среде можно видеть, как отвергается книга/статья/устное сообщение, если читающим/слушающим кажется неуместным употребление того или иного термина, метафоры и т. д., причем отвергается агрессивно, если это позволяет ситуация, даже в оскорбительной форме. Наглядным примером вышесказанного может служить следующий фрагмент переписки граммар-наци (орфография и пунктуация сохранены):

1. меня начинает раздражать то и дело всплывающая фашистская символика в моих новостях. Поменяйте аватарку и название.

2. как так? Вы раздражены? Админы, как вы смеете!? N раздражен! Поменяйте все! Немедля!

1. они делают свои контент для нас, читателей. И я один из них. Так почему я не могу высказывать своё недовольство фашистской симлоликой? Какие-то проблемы?

2. где это такую увидали? У вас либо богатая фантазия, либо фобия на сочетание красного с белым. Можно еще попросить о соблюдении правил русского языка в своих сообщениях? Глаза режет просто.

1. Где вы увидели несоблюдение правил, голубчик? А ну блесните грамотейством!)) Какое ещё нужно доказательство вам? Название говорит само за себя. Символика фашистская. Цвет агрессивный. И это всё меня раздражает. Но позвольте спросить, о юноша бледный со взором горящим, вам-то чего до всего этого? Адвокатом нанялись? Тогда предложение: убейте себя об стену с разбегу!

2. Ошибки! Одни ошибки! У меня нет желания продолжать беседу.

Важно, что граммар-нацизм — явление, порожденное интернет-средой и спецификой онлайн-общения, что требует от современной педагогики определенного ответа. Для чего нужно ответить на важные вопросы, первый из которых: а как мы сами относимся к власти интеллектуалов?

Пусть описываемая власть исключительно символическая: можно не дослушать собеседника, если его речь не слишком хороша, однако грамотность не всегда является релевантным показателем ценности общения с тем или иным человеком. Зачастую бездумный граммар-нацизм приводит к потере интересных возможностей и расширения границ видимого мира.

Второй важнейший для педагогов вопрос: на что мы готовы пойти, чтобы преодолеть интеллектуальный снобизм?

Попыткой борьбы с описанной «властью» может стать принцип некоторого анархизма, идея о том, что какие-либо формальные ограничения интеллектуалу не нужны, не важен фактически полученный диплом о высшем образовании, не важен научный статус, не важен статус изданий, в которых публикуются статьи; единственное, что важно — смелость мысли и признание; однако как в таком случае признание определяется — вопрос нерешенный.

В результате вышеописанных внутренних процессов каждая научная микроколлорация оказывается замкнутой системой, по большому счету не нуждающейся ни в интеграции в научное сообщество, ни в понимании со стороны, ни в притоке «новой крови». Проблема в том, что такая позиция в современной социально-экономической ситуации не может быть озвучена: сегодня невозможно заниматься наукой в одиночестве. Разрыв между желанием и невозможностью интеллектуального отшельничества оказывается достаточно неврозогенным. Будет ли эта

неврозогенность характерна только для сферы научной работы или будет распространяться на прочие модусы жизни?

Путем решения может стать идея науки ради науки, по тому же принципу, что искусство ради искусства. Возможно ли это? По большому счету ответ на этот вопрос сводится к актуальной теме единства этики и эстетики, которая, что характерно, чаще всего решается через идею субъектности так как в субъекте этическое и эстетическое начала переплетаются настолько тесно, что зачастую нельзя определить хоть какие-то границы между ними. Во многом то же самое можно сказать и о науке.

И остается вопрос, возможно ли это в коммуникативной изоляции?

С одной стороны, традиция добровольного одиночества людей, занимающихся приращением знания, далеко не нова, однако эпоха изменилась и в ней изменилось и отношение к категориям одиночество/изоляция: «Одной из категорий, претерпевших трансформацию распада в мире постмодерна, стал концепт одиночества. В эпоху общества тотальных институций все возможные выборы были регламентированы: одиночество было вполне возможно, но в рамках строго определенных стратегий (например — монашеская схима). При этом первый образ, в который одиночество неотъемлемо вписывалось — образ мудреца, второй — также одиночество, но уже часто вынужденное, — образ безумца. Если мудрец оказывается в одиночестве своей волей, так как нуждается в уединении для созидания, то безумец изолируется от окружающих, так как становится причиной разрушения» [7, с. 200]. Ситуация одиночества сегодня — это ситуация экстремальная, благодаря в том числе Интернету. Когда мы говорим о становлении субъектности молодого интеллектуала, мы помним, что он относительно осознано выстраивает себя как мыслителя, и, будучи достаточно образованным человеком, в том числе, соотносится с историческими образами. Образ мудреца в башне из слоновой кости достаточно привлекателен, в том числе возможностью абсолютной независимости. В этом случае может сформироваться стратегия оторванности социальной деятельности от деятельности научной (т. е. работа, налаживание связанных с ней контактов и т. д. становится не самой приятной, хоть и необходимой обязанностью, а подлинной остается только научная деятельность, которой человек занимается в одиночестве). Такой подход хоть и обеспечивает независимость, имеет определенные недостатки. Один из них — отчуждение от итогов собственного труда, которое неизбежно сказывается и на работе; при этом следует помнить, что работа интеллектуалов, в том числе педагогика, — создание новых информационных полей, а отчужденность гораздо легче формируется в частично анонимизированной электронной среде.

Современной педагогике еще предстоит найти концепции, позволяющие молодому интеллектуалу более бережно и целюно формировать свою субъектность в новом мире электронного общения, и как носителей и производителей нового знания, и как людей, способных создавать подлинные субъект-субъектные связи в науке и в жизни.

Литература

1. *Климова А.В.* Интеллигентность и интеллигенция // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 1(17).
2. *Фромм Э.* Бегство от свободы / Пер. с англ. и прим. А.И. Фета. Philosophicalarkiv, Nyköping (Sweden), 2016.
3. *Агамбен Дж.* Человек без содержания. М.: Новое литературное обозрение (НЛО), 2018.
4. *Ставицкий О.А.* Психологическая модель личности с комплексом гандикапа // Universum: психология и образование. 2014. № 3(4)
5. *Климова А.В.* Интеллигентность и интеллигенция // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 1(17).
6. *Кронгауз М.А.* Самоучитель Олбанского. М.: АСТ, 2013.
7. *Литинская Д.Г.* Конструкт шизоидности и одиночество в мире постмодерна // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2016. № 2(4) С. 93–101

Сведения об авторах

Буйлова Надежда Николаевна, преподаватель Школы лингвистики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0604-6603>, byjlovs@yandex.ru

Литинская Джинна Григорьевна, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАН-ХиГС), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8850-1728>, litinskaya@inbox.ru